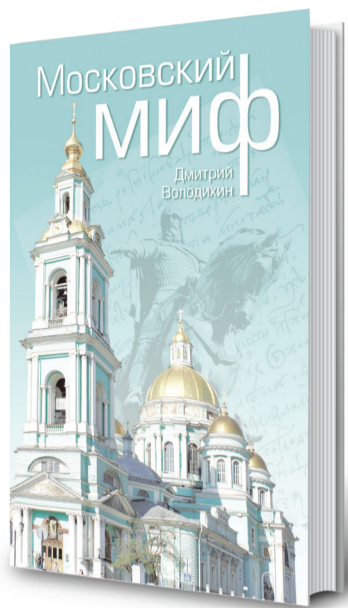

Чему учит нас история

Нынешний год — особый. Это год столетия октябрьской революции, год размышления над судьбами нашего Отечества. Поэтому очередной собеседник ОЛГ — писатель, критик, доктор наук, профессор МГУ, автор многих книг издательства «Вече» по историческому прошлому России Дмитрий ВОЛОДИХИН

можно гордиться, если бы только гордыня не была столь нехристианским чувством. Что касается правителей, то очень значима фигура Ивана III, по существу создателя России. Конечно, фигура Петра Великого со всеми плюсами и минусами. Персона Николая Первого — монарха, который в какой-то момент выправил сильно обветшавшее здание российской государственности. Если говорить о полководцах, то это прежде всего мой любимый князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Этот человек хорош не только тем, что одержал блистательную победу в Москве в 1612 году, но ещё и подавал пример необыкновенной духовной стойкости, самопожертвования, безупречного патриотизма.

— А кто из исторических персонажей рождает наибольшие споры среди историков?

— Споры вызывают, прежде всего, две фигуры: Иван Грозный и Сталин. Что касается Сталина, то я не являюсь специалистом по XX веку. А вот державную деятельность Ивана Грозного изучал на протяжении многих лет, издал несколько книг о нём.

У меня сложилось мнение, что к его правлению нельзя подходить с оценками категоричными. Когда говорят, что это великий стратег, справедливый, мудрый правитель, который занимался святым де-

лом — выжигал измену, берёг Церковь и вырубал ереси, то это очень большая идеализация.

С другой стороны, когда утверждают, что это безумный маньяк, человек, который только и делал, что лил кровь, уничтожил экономический потенциал страны, был трусом, не умел воевать, — это бездумное очернение. Обе позиции — ультра-патриотическая и ультра-либеральная — ложны в своей односторонности.

Нельзя не признать, что при Иване Грозном было основано государственное книгопечатанье, присоединены Казань, Астрахань, другие земли, велось обширное строительство. Но и неуспехи царствования налицо. Злейший враг Руси, крымцы, добрались до русской столицы и спалили её. Такого не было с 1382 года, даже при более слабых правителях. Добавим сюда тяжёлое поражение в Ливонской войне — врагу пришлось отдать русские земли с православным населением.

До Ивана IV, то есть до конца 60-х годов XVI века, в русской политической культуре не было никаких массовых репрессий. Вершиной государственной жестокости можно считать подавление мятежа при Елене Глинской, когда было казнено 30 новгородских дворян. Поэтому громом среди ясного неба стало уничтожение в 1568 году 400 человек, что ясно прочи-

тывается по документам той эпохи. Русь вообще не была щедра на казни. На мой взгляд, Ивана Грозного обучила жестокости Западная Европа.

Войны между католиками и гугенотами во Франции, кровопролитие в Нидерландах, истребление протестантов Марией Тюдор, действия испанской инквизиции — вот примеры массовых репрессий, широко распространённых в Западной Европе конца XV — середины XVI веков. Россия, при её активных связях с Западом, оказалась инфицирована жестокостью.

— Так учит ли чему-нибудь история?

— Если иметь в виду правительства, то история никогда никого ничему не учила, не учит и не научит. Я в этом убеждён. Если ошибка совершена 10 раз, то очередное правительство совершит её в 11-й раз, и последствия окажутся ещё глубже, масштабнее, страшнее. А вот если говорить об отдельных личностях, то история оказывает определённое воспитывающее воздействие. Многие люди воспринимают духовные образцы, созданные судьбами исторических деятелей прошлого как нечто близкое, родное, встраивают этот опыт в собственную жизнь. Поэтому всё, что относится к деятельности крупных личностей прошлого, интересно, познавательно и востребовано.

— Дмитрий Михайлович, какие, на ваш взгляд, фигуры отечественной истории определяли вектор развития России более других?

— Александра Невского — в духовном и политическом смысле эта фигура очень подходящая. Владимира Святого — при нём было принято христианство на Руси. Из иных святых, разумеется, Сергий Радонежский — реформатор русского монашества, человек, с которого началось взрывное распространение иночества по всему Русскому Северу. Нашим монашеством

взноса (соглашение от 29 декабря 2000 года). А через два года «благодарительный взнос» обернулся иском в суд, после которого «общественная собственность» стала собственностью «благотворителя». Зная всё это, ты утверждаешь в «Дневнике», что оба Литфонда и МСПС «выступают кормушкой для узкого круга избранных людей, которым предоставляется всё: и дачи в Переделкино, и сумасшедшие деньги в виде материальной помощи, и карт-бланш на бесплатное издание толстых книг и т.д.»

Здесь, Серёжа, ты прав. «Сумасшедшие деньги в виде материальной помощи» в Переделкино существуют. Поскольку в Литфонде не было денег, мне самому пришлось вложить в ремонт арендованной у Литфонда дачи 875 тыс. руб. Это знают и директор переделкинское дачного городка Пётр Иванович Коваленко, и главный бухгалтер Наталья Николаевна. Позвони им по телефону +7 (495) 733-89-18, они тебе подтвердят, что я оказал городку писателей «материальную помощь сумасшедшими деньгами».

Ты почему-то в упор не видишь настоящих «замечательных» мошенников. Да, оба наших переделкинца — Поляков и Евтушенко — по-своему незаурядные «замечательные» люди. В один год и в один день по решению одного и того же судьи стали владельцами переделкинских дач, об обоих одновременно вышли книги в нашей великой серии. Думаю, что и в один и тот же прекрасный день обоих объявят нобелевскими лауреатами. И это будет зафиксировано в очередном из твоих «Дневников», Серёжа.

Но шутки в сторону. Вроде и неглупый ты человек, Серёжа, но как можно пользоваться слухами из жёлтой прессы? Волей-неволей веря ей, ты присоединяешь свою авторитетную подпись к подписям корыстных клеветников.

Впрочем, ты и сам поступаешь как мелкий сплетник, когда пишешь в «Дневнике»: «Поговорили также о семейных кланах: Проханов оставляет "дело" своему сыну, Станислав Куняев — Сергею Куняеву» (стр. 283).

Мой сын Сергей — известный и талантливый литератор. Вместе с ним (разделив тру-

ды поровну) мы в 1995 году написали для ЖЗЛ книгу о Сергее Есенине, которая, если верить почётной грамоте, выданной нам руководством издательства «Молодая гвардия», стала самым популярным изданием в этой серии за 100 лет её существования. Книга за 10 лет — с 1995 по 2016 год — издавалась и переиздавалась 15 (!) раз.

После этого Сергей выпустил в ЖЗЛ книгу о Николае Клоеве, сейчас для этой же серии заканчивает книгу о Вадиме Кожинове, издал книгу о Павле Васильеве, сборник своих критических и литературоведческих работ «Жертвенная чаша», а кроме этого опубликовал, написав предисловия и послесловия, сделал нужные комментарии, несколько книг Есенина, Пимена Карпова, а также Юрия Селезнёва, Анатолия Ланщикова, Алексея Ганина, Татьяны Глушковой, крестьянских поэтов «О, Русь, взмахни крыльями!», книгу о знаменитой дискуссии «Классика и мы». Да, руководить столь сложным и на сегодня самым популярным «толстым» литературным журналом «Наш современник» непросто. Даже у меня не всё получается, как хотелось бы. Тем не менее, спасибо тебе, Серёжа, что доносишь до меня и до моего сына различные слухи и сплетни (в том числе и свои). Я и не предполагал передавать ему «дело», но теперь после твоих подсказок подумаю всерьёз.

Когда же ты, Серёжа, пишешь о «сумасшедших деньгах», получаемых «избранными людьми» Литфонда, то, наверное, по старости забываешь, какие деньги получал круг «избранных», работавших в Литинституте и при ректоре Есине, и при ректоре Тарасове. Цитирую из твоего же дневника, стр. 487:

«Своя рука владыка, поэтому начальники за счёт денег, которые добывает весь институт, подняли себе содержание. У всех дети, машины, часто втуки. Я, мелочный и завистливый человек, вслед за немолодыми и ушлыми женщинами из министерской комиссии (которые проводили финансовую проверку дел в Литинституте. — Ст. К.), так сказать по их следам и намёткам, подсчитал, что было отломано от бюджетного пирога, а что получено от институтского приварка. На официальном языке это называется "за счёт собствен-

ных средств" (видимо, автор имеет в виду деньги за платное обучение, за подготовку аспирантов, за всякого рода консультации, за сдачу площадей в аренду и т.д. — Ст. К.). За 2013-й год и три месяца 2014-го. Держись, геолог! За счёт собственных средств: Тарасов — 756,4 тыс. руб.; Стояновский — 1450,4 тыс. руб.; Уженков — 1341,1 тыс. руб.; Курышев — 1073,8 тыс. руб.; Царёва — 2946 тыс. руб.; Зиновьева — 2229,2 тыс. руб. В небогатом Литинституте получать по несколько миллионов?!».

В эти суммы не входят «зарплатные», «бюджетные деньги»... А ты ещё пишешь о каких-то «сумасшедших» деньгах, которые получили литфондовские работники! Всех ты, Серёжа, перечислил: и проректоров, и бухгалтеров, и ректора Тарасова, лишь о себе, работавшем ректором более 15 лет, умолчал, о своих заработках, о своих «сумасшедших деньгах». А ведь все эти «проректоры и бухгалтера» были твоими подчинёнными, и я не думаю, что ты получал, как ректор, меньше их. Странно также, что, обнаружив в своём дневнике данные об их финансовых махинациях с точностью до тысячи рублей, ты о «сумасшедших деньгах», якобы получаемых писателями в Литфонде, пишешь, не называя ни одной циферки, ни одного имени, а говоря об «огромной собственности» писательской, которой якобы завладело «несколько человек», стыдливо умалчиваешь, кто эти «несколько человек», какие фамилии они носят, и какой по объёму «огромной собственностью» они завладели. Может быть, ты не захотел подставлять Полякова и Евтушенко за Ерёмку? А может, что-то напутал по старости, что-то позабыл. Всяко бывает. И в завершении скажу следующее.

Я всегда сам редактировал и безжалостно сокращал твои прежние дневники, делая из них «избранное», убирая твоё многословие, всякого рода малоинтересную бытовщину, различные пустяки и сплетни. Сейчас из-за болезни глаз я доверил эту неблагодарную работу Сегену. Мы предложили тебе публикацию из ста самых ярких страниц твоего «Дневника — 2015». Но ты отказался, и я понял почему, когда прочитал в твоём дневнике 2014 года: «Валентина Твардовская, доктор исторических наук, сказала, что если я дотяну свой "Дневник"

до конца, то именно по нему будут учёные изучать эпоху <...> с интересом читаю "Дневник" за 2013 год, иногда удивляюсь: неужели это я?». Я тоже, читая твой «Дневник — 2014», удивляюсь: неужели это ты? Цену словам дочери знаменитого поэта я узнал, когда несколько лет тому назад, закончив работу над составлением антологии «Русские поэты о Сталине», позвонил Валентине Твардовской и спросил у неё разрешение напечатать в антологии лучшие стихи о Сталине, которые написал её отец. Знаешь, что она мне ответила? — Категорически запрещаю! — Почему? — удивился я. — Потому что все стихи о Сталине отец писал против своей воли...

Ты тоже со всеми своими комплексами и со всей умело скрываемой гордыней ответил нам: «Или печатаете двести с лишним страниц (а это почти половина нашего журнала), или я отдам "Дневник 2015 года" в "Новый мир"». — Да ради Бога, Серёжа! Лишь бы эта публикация помогла Василевскому поднять нынешний двухтысячный тираж его некогда знаменитого журнала, где царил и правил сам Александр Твардовский, писавший стихи о Сталине «против своей воли». Думаю, что и в «Дневнике 2015 года» ты всё так же будешь утверждать, что мы с Перверзиным «всё разворовали», ибо ты человек честный и последовательный.

Проследи только, чтобы все кусочки текста, где ты пишешь о моей причастности к «посягательству на писательскую собственность», остались на страницах «Нового мира» в неприкосновенности. Из твоих уст для меня и хула — похвала. Если ты оставишь все свои выпады и намёки в мой адрес, как в человека «завладевшего огромной писательской собственностью», читателю будет понятно, почему ты печатаешься не в «Нашем современнике», как это делал прежде в лучшие времена, а в «Новом мире». А поскольку по твоему дневнику, как сказала Валентина Твардовская, «будут изучать эпоху», то благодаря тебе, может быть, и моё скромное имя войдёт в историю литературы.

До свидания, Серёжа Есин, автор выдающейся повести «Стоящая в дверях», опубликованной в «Нашем современнике» в 1992 году.